

закона, который *одинъ* и управляетъ будто бы волей людей съ такой принудительной силой, что возможность всякаго иного мотивированія этимъ устраниется. Но ни рутина, отъ которой можетъ освободиться личность, достигшая извѣстной степени духовнаго развитія, ни принятое исторіей направлениѳ, съ которымъ люди собственной ініціативы могутъ стать въ-разрѣзъ, не суть законы въ научномъ смыслѣ; это только случаи однообразной и однородной рѣшимости воль, не исключающіе возможности, при иныхъ условіяхъ, — напр., при особыхъ условіяхъ, въ какихъ могутъ находиться . нѣкоторыя личности въ сравненіи со всѣми остальными,— и иной рѣшимости. Законъ есть выраженіе необходимыхъ, а потому постоянныхъ, отношеній между извѣстными причинами, и ихъ слѣдствіями, и воля абсолютно подчиняется этимъ отношеніямъ, ибо иначе было бы нарушение необходимаго отношенія между причиной и слѣдствіемъ, т.-е. изъ данной причины вытекало бы не то слѣдствіе, которое изъ нея должно произойти,—напр., дважды-два могло бы быть и пять, и восемь, и десять и т. д.; но нельзя назвать закономъ простое эмпирическое обобщеніе фактovъ, говорящее только, что въ данномъ обществѣ наблюдаются такія-то явленія; если они наблюдаются, для этого есть достаточные основанія; послѣднія, однако, непостоянны, во-первыхъ, потому, что у нѣкоторыхъ людей могутъ быть иные достаточные основанія, и ихъ дѣятельность будетъ представлять собою исключеніе изъ общаго правила, а во-вторыхъ, потому, что эти основанія и по отношенію ко всѣмъ членамъ общества измѣняются современемъ въ другія *). Если французы шли въ армію Наполеона, на это были свои причины,

*) Тамъ же, I, 39.